

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
805
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Т о м ХХІ

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 805

СОДЕРЖАНИЕ

- 2533-2542 К экологии белой куропатки *Lagopus lagopus* на Новосибирских островах.
А.А.КИЩИНСКИЙ
- 2542-2544 Регистрация обыкновенного скворца *Sturnus vulgaris* и ходулочника *Himantopus himantopus* на Камчатке. О.Ю.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
О.П.КУРЯКОВА
- 2544-2548 Лесоводственные мероприятия и гнездование птиц в полевых защитных полосах.
А.С.МАЛЬЧЕВСКИЙ
- 2548-2551 Очаг массовой линьки большой поганки *Podiceps cristatus* на Шульбинском водохранилище в бассейне Верхнего Иртыша.
Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
- 2552-2557 Ранневесенние наблюдения над саксаульной сойкой *Podoces panderi* в Южном Прибалхашье в 2012 году. А.Ж.ЖАТКАНБАЕВ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X I
Express-issue

2012 № 805

CONTENTS

- 2533-2542 Ecology of the willow grouse *Lagopus lagopus* on the New Siberian Islands.
A. A. KISHCHINSKY
- 2542-2544 Registrations of the common starling *Sturnus vulgaris* and the black-winged stilt *Himantopus himantopus* on the Kamchatka Peninsula.
O. Yu. ROZHDESTVENSKY,
O. P. KURYAKOVA
- 2544-2548 Silvicultural activities and nesting birds in forest shelter belts. A. S. MALCHEVSKY
- 2548-2551 A place of concentration of moulting great crested grebes *Podiceps cristatus* on Shulbinsky reservoir in the basin of the Upper Irtysh.
N. N. BEREZOVIKOV
- 2552-2557 Early spring observations for the grey ground jay *Podoces panderi* in southern Balkhash area.
A. Zh. ZHATKANBAEV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S.-Petersburg 199034 Russia

К экологии белой куропатки *Lagopus lagopus* на Новосибирских островах

А.А.Кищинский

Второе издание. Первая публикация в 1974*

Новосибирская популяция белой куропатки *Lagopus lagopus* во многих отношениях представляет интерес. Известно, что вид *L. lagopus* имеет субарктическое и бореальное распространение, и подзона арктической тундры – предел его продвижения на север. В арктические тундры белая куропатка проникает недалеко и на зиму откочёвывает в кустарниковую тундру и лесотундру. Единственным исключением является популяция, населяющая Новосибирские острова и большую часть года обитающая в условиях арктических пустынь и северной части арктических тундр. Популяционно-экологические особенности, которые выработались у новосибирских белых куропаток в столь необычных для вида условиях, крайне интересны. Следует иметь в виду, что именно на Новосибирских островах отсутствует тундряная куропатка *Lagopus mutus*[†] – вид, обычно распространенный гораздо дальше на север и населяющий многие арктические острова, где обитают популяции, своеобразные в экологическом отношении. Напрашивается мысль о параллелизме в развитии высокоарктических популяций обоих видов.

Наконец, требует решения вопрос об изоляции новосибирской популяции, степени её отличий в общем ряду форм *Lagopus lagopus* и, следовательно, о её таксономическом статусе. Заслуживает внимания вопрос об исторических корнях нынешнего распространения белых куропаток в восточносибирском секторе Арктики.

Первые упоминания о новосибирских куропатках имеются уже в работе М.М.Геденштрома (1830), но лишь А.Бунге (Bunge 1887) впервые указал, что здесь обитает именно этот вид. Довольно подробные наблюдения над новосибирской белой куропаткой были проведены в течение круглого года зоологами Русской полярной экспедиции на яхте «Заря» (Бируля 1907). В последние десятилетия некоторые материалы, собранные Г.Л.Рутилевским (1958, 1963), Б.Н.Городковым и Е.С.Короткевичем (1957), С.М.Успенским (1963), касаются в основном эколо-

* Кищинский А.А. 1974. К экологии белой куропатки на Новосибирских островах // Орнитология 11: 198-205.

† Не исключено, что тундряная куропатка в очень малом количестве обитает на останцовых массивах острова Большой Ляховский. В Зоологическом институте АН СССР имеется оттуда самец от 4 июля 1929 (№ 9311). Предположительные указания на это есть и у А.А.Бирули (1907).

гии птиц в летний период. Основой для настоящего сообщения послужили наблюдения, проведённые нами в марте-мае 1968 года на островах Котельный и Бельковский*.

Белая куропатка населяет весь Новосибирский архипелаг; отдельные пары гнездятся даже на острове Беннета (Успенский 1963). Птицы проводят на островах значительную часть зимы, улетаая лишь на время полярной ночи. По данным А.А.Бирули (1907), белые куропатки откочёвывают с островов в конце октября – ноябре и вновь появляются в марте-апреле. М.И.Бруснев в 1903 году видел мигрировавших куропаток в проливах между островами уже с 24 февраля. Во время перелёта через проливы птицы отдыхают в торосах (Бруснев 1904; Бируля 1907). В 1935-1951 годах белые куропатки прилетали на острова в середине февраля – начале апреля (см. таблицу). Мы встречали куропаток по всему острову Котельный и на острове Бельковский начиная с конца марта. Впоследствии мы не наблюдали «прилёта» или увеличения численности птиц, а в начале мая пары уже находились на гнездовых местах. Некоторая часть популяции белой куропатки остаётся на островах на всю зиму и встречается даже в разгар полярной ночи. Это отмечал ещё А.А.Бируля (1907).

Даты прилёта белых куропаток *Lagopus lagopus* на Новосибирские острова (по данным полярных станций)*

Станция	Годы							
	1935	1940	1941	1948	1949	1950	1951	1952
Кигилях	27.02 (03.03)	31.03	—	01.04	18.03	22.03	16.02 (04.03)	10.01 (14.01)
Санникова	—	—	—	16.03 (26.03)	15.03 (15.04)	08.03 (20.04)	—	—
Котельный	—	—	20.03 (25.03)	середина апреля	—	—	24.03 (05.04)	—

* Даты без скобок – первое появление куропаток, даты в скобках – массовый прилёт.

При маршрутных учётах в марте-апреле на острове Котельный отмечено 34 особи на 190 км подходящих местообитаний, а на острове Бельковский – 3 на 50 км (при ширине учётной полосы 100-160 м). Таким образом, плотность популяций на Котельном была близка к 1.5 особи на 1 км², а на Бельковском – к 0.5 ос./км². Маршруты показали, что белые куропатки приурочены в конце зимы к прибрежным частям островов (до 10-20 км от берега), а во внутренних частях, где значи-

* Кроме того, некоторые сведения взяты из фенологических дневников полярных станций Кигилях, Шалаурово, Санникова и Котельный за 1935-1952 годы. Благодаря любезности проф. А.И.Иванова изучены коллекционные материалы, имеющиеся в Зоологическом институте АН СССР. Ботанические определения произведены проф. Б.А.Тихомировым. В полевых исследованиях принимал участие В.А.Папонов.

тельно меньше выдувов, они почти не встречаются. Учитывая это, общую численность белых куропаток на острове Котельный можно считать близкой к 10 тыс., на острове Бельковский – 2-3 тыс. особей.

Маршрутные учёты пар на гнездовых участках были проведены в начале брачного периода (3-6 мая) на Котельном. На 140 км маршрута (около 1500 га) было учтено 15 пар; плотность популяции в начале гнездования в благоприятных местах – около 1 пары на 1 км², а общая численность птиц, гнездящихся на Котельном – 5-7 тыс. пар. Местами плотность может быть значительно выше (например, у мыса Вознесения на Новой Сибири в 1902 году – см.: Бируля 1907). Численность белых куропаток, по словам охотников-промысловиков, много лет живущих на островах, меняется по годам. В 1968 году она была сравнительно невысокой. Несомненно, что в целом для новосибирской популяции характерна значительно более низкая плотность, чем, например, для субарктических популяций.

В отличие от субарктических популяций белых куропаток, скапливающихся на зиму в узколокализованных биотопах (поймах рек, кустарниковой тундры и лесотундры) и образующих там большие стаи, новосибирская популяция зимой использует всю заселённую территорию сравнительно равномерно и распределена диффузно. Птицы встречаются в прибрежных частях островов более или менее повсеместно (там, где есть выдувы и места для ночёвок) поодиночке, по двое или стайками по 8-9 особей. Средняя величина группы в марте-апреле составляет 3.0 особи. По общему впечатлению, новосибирские белые куропатки сохраняют зимой и некоторую привязанность к территории.

Зимнее питание новосибирской белой куропатки коренным образом отличается от питания субарктических популяций. На островах отсутствуют кустарники; из-под снега на выдувах торчат только сухие стебли и листья злаков и осок, которые куропатка не ест. Птицы раскапывают неглубокий (2-5 см) снег у основания кочек на выдувах, на вершинах и склонах холмов в сухой холмистой тундре, и выклёвывают вегетативные части растений, ушедшие осенью под снег в зелёном состоянии и «законсервированные» морозом. Судя по поедям, в наибольшем количестве используются тонкие зелёные побеги и свежие корешки *Salix polaris* (отмершие верхние части побегов с прошлогодними листьями отбрасываются), зелёные розетки и зимующие почки *Saxifraga caespitosa*, *Potentilla emarginata*, *Draba* sp., семенные коробочки *Papaver polare* (рис. 1).

В зобах двух самцов, добытых 7 апреля и 4 мая, от 55 до 95% содержимого составляли побеги с почками, почки и мелкие обкусанные сверху зелёные веточки *Salix polaris* (длиной 2-7, изредка до 18-26 мм) и небольшое количество обрывков корешков того же размера; общее число кусочков 637-1436, общая длина обкусанных побегов 315-822 см.

Существенную долю составляли свежие семенные коробочки *Papaver polare* (до 30% содержимого), зелёные прикорневые розетки *Draba* sp. (до 10%), свежие зелёные листовые «почки» *Potentilla emarginata* и сухие семенные коробочки *Cerastium bialynickii*. Единично встречались зелёные листья *Salix polaris*, *Cochlearia arctica*, *Papaver polare*, *Saxifraga nivalis*, злаков sp., плодоложа *Ranunculus nivalis*, зелёные листовые розетки *Saxifraga caespitosa*, побеги *Stellaria (edwardsii ?)*; мхи *Dicranum elongatum* и *Dicranum* sp., лишайник sp. Около 20-30% содержимого зобов составлял гравий 2-4 мм в поперечнике; сбор его на тундровых выдувах и морских косах не представляет труда. Вес полного зоба 33.0 г. Зобы 4 птиц, вскрытых 10-13 марта 1902, имели почти такое же содержимое (Бируля 1907).

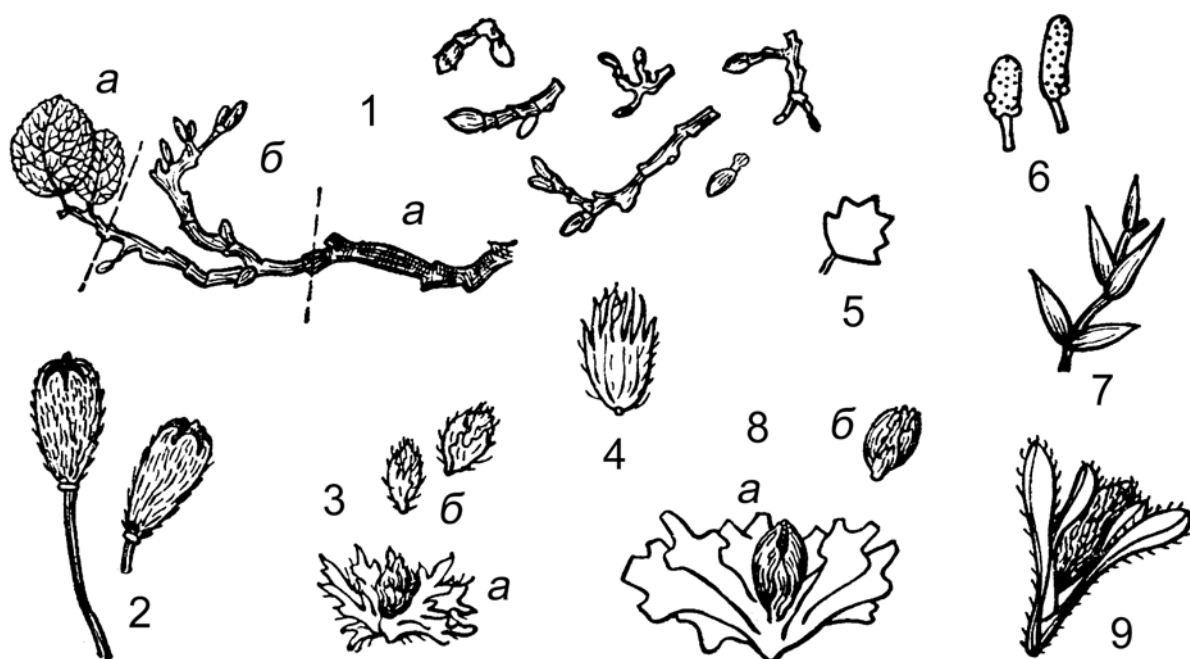

Рис. 1. Растения, служащие пищей белым куропаткам зимой на Новосибирских островах: 1 – веточки *Salix polaris* (а – деревянистые нижние и омертвевшие верхние части побега, не поедаемые куропатками; б – живые зимнезелёные части побега и зимующие почки, интенсивно используемые птицами); 2 – семенные коробочки *Papaver polare*; 3 – розетки *Potentilla emarginata* (а – общий вид розетки с мёртвыми наружными листьями и зелёной «почкой» внутри; б – зелёные «почки», служащие птицам пищей); 4 – семенные коробочки *Cerastium bialynickii*; 5 – лист *Saxifraga nivalis*; 6 – плодоложа *Ranunculus nivalis*; 7 – зелёные побеги *Stellaria (edwardsii ?)*; 8 – розетка *Saxifraga caespitosa* (а – общий вид розетки с мёртвыми наружными листьями и зелёной «почкой» внутри, б – зелёная «почка», служащая пищей); 9 – розетки *Draba* sp. с отмершими листьями снаружи и зелёными внутри.

В целом для зимнего питания новосибирской популяции белой куропатки, в отличие от субарктических популяций, характерно отсутствие грубых веточных кормов и, следовательно, качественно иной химический состав пищи, в частности, бедность её клетчаткой и богатство протеином (известно, что зимнезелёные части арктических травянистых растений содержат до 20-25% протеина). Интересно также, что зимнее питание очень сходно с летним (Городков, Короткевич 1957),

опять-таки в противоположность питанию субарктических популяций белой куропатки, для которого характерны кардинальные сезонные различия, в частности, в качестве потребляемых кормов. Некоторую параллель можно обнаружить здесь с питанием тундряной куропатки в высоких широтах – на Шпицбергене и в Гренландии (Johnsen 1941; Gelting 1937).

Стоит отметить, что новосибирская популяция дикого северного оленя *Rangifer tarandus*, зимующая на островах, добывает корм примерно так же и поедает те же части растений (северные олени, кроме того, в большом количестве едят зелёные подснежные листья осок и злаков). Иногда куропатки сопутствуют стадам оленей, пользуясь результатами тебенёвки.

Отличительной чертой новосибирских куропаток является зимнее накопление подкожного жира, который сохраняется до весны. Это было отмечено ещё А.А.Бирулей (1907). Самцы, добытые нами в апреле-мае, сохраняли отложения жира по птерилиям до 4-5 мм. Для птиц рода *Lagopus* это приспособление вообще необычно, и его можно считать следствием достаточно долгой эволюции в высокоарктических условиях. Здесь также можно провести аналогию с тундряной куропаткой Шпицбергена, которая, в отличие от прочих популяций этого вида, сильно жиреет (Johnsen 1941). Интересно, что способность к жиронакоплению параллельно развилась в однородной среде у двух близких форм. Биологический смысл этого явления можно видеть в следующем. В отличие от субарктических популяций, постоянно обеспеченных кормом (хотя бы веточным), в арктической пустыне вследствие пурги и снегопадов куропатки могут испытывать более длительные голодовки; способность к накоплению резервных веществ в этих условиях полезна и могла быть закреплена отбором.

Вес добытых нами самцов 705 и 719 г, что значительно превышает вес птиц из материковых тундр Евразии в соответствующий сезон (Семёнов-Тян-Шанский 1960).

В арктической тундре с её плотными снегами места, удобные для ночёвки куропаток, имеются далеко не везде. Птицы ночуют там, где есть надувы рыхлого снега: либо на байджарахах* и между ними, либо в прибрежных торосах, либо на песцовых пастях. Приуроченность значительной части зимующей популяции к приморской местности объясняется отчасти и большим обилием там мест для ночёвки. На ночёвку в торосы собирается до 15 птиц. Днём таких стай не встречалось, видимо, они непостоянны и после ночёвки разбиваются. Во второй поло-

* Байджарахи (якутск.) – конические бугры высотой до нескольких метров, образующиеся в результате таяния трещинных льдов, обнажаемых при эрозии склонов. Байджарахи, располагающиеся грядами вдоль склонов (в особенности приморских), очень характерны для ландшафта Новосибирских островов.

вине апреля, при почти круглосуточном дне, куропатки спят и среди дня; случалось вслугивать спящих птиц днём, при ярком солнце. Все найденные лунки очень неглубокие (глубиной 10-14 см; рис. 2); по-видимому, спящая птица не закрыта снегом, а сидит, вжавшись в снеговую ямку. Выходит куропатка из лунки «пешком», следов от крыльев у лунок видеть не приходилось.

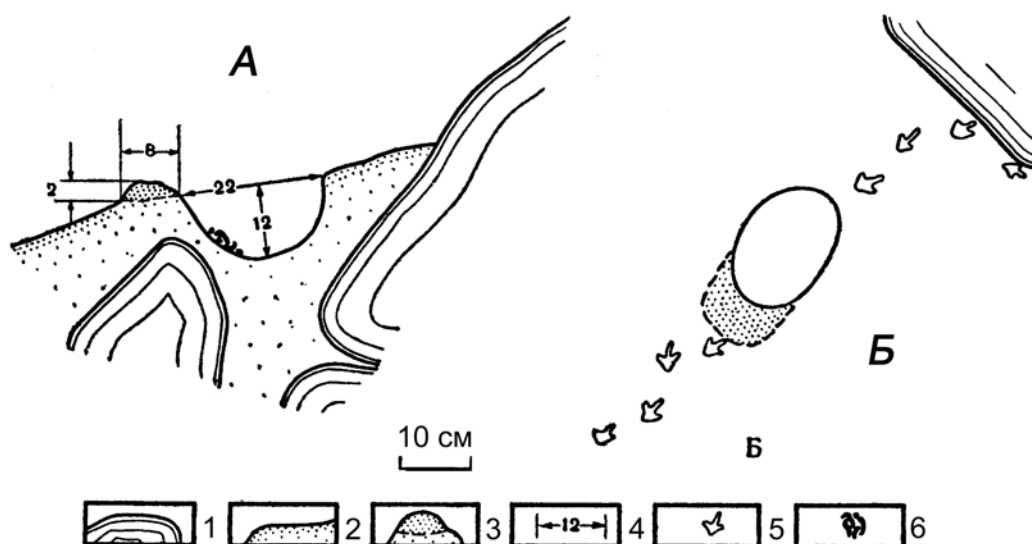

Рис. 2. Место ночёвки белой куропатки в прибрежных торосах.

Остров Котельный, 15 апреля 1968. А – разрез, Б – план.

1 – торосы; 2 – снег; 3 – выброс снега перед ночёвочной лункой;

4 – размеры в см; 5 – следу куропатки; 6 – помёт птицы в лунке.

Весенние периодические явления начинаются в совершенно иной фенологической обстановке, чем у субарктических популяций. Самцы начинают весеннюю линьку в апреле. Первые самцы с перьями брачного наряда наблюдались в 1902 году 28 апреля (Бируля 1907); в 1935-1939 годах, по данным полярных станций, 18 апреля – 3 мая; нами в 1968 году – 16 апреля. Все самцы, встреченные 3-6 мая 1968, имели полный или почти полный брачный наряд. А.А.Бируля в 1902 году наблюдал таких самцов с 16 мая до конца июня. В Зоологическом институте АН СССР (ЗИН) имеется самец в полном брачном наряде от 21 мая 1901 (№ 24138). Календарно сроки предбрачной линьки самцов совпадают с таковыми в лесотундре и южной тундре, но фенологически они значительно отличаются. В лесотундре к началу мая устанавливаются положительные дневные температуры и появляется множество проталин, а на Новосибирских островах в это время ещё настоящая зима. Так, на острове Котельный во второй половине апреля 1968 года средние суточные температуры равнялись минус 15-20°, а максимальные минус 12-19°C; проталины появляются только в конце мая. Правда, и в конце апреля – начале мая много выдувов, и это отчасти маскирует самца в брачном наряде.

У самок весенняя линька начинается во второй половине мая (Бируля 1907); в ЗИН есть 3 самки с острова Большой Ляховский от 20-24 мая 1929, начавших весеннюю линьку.

Брачный период в 1968 году начался в первых числах мая. Все куропатки, встреченные 3-6 мая, держались парами на гнездовых местах, и самцы токовали, хотя и неинтенсивно. В это время ещё лежал сплошной снег; среднесуточные температуры равнялись минус 13-19°, а максимальные – минус 10-15°C. Таким образом, фенологическая обстановка весенних явлений в жизни новосибирской популяции белой куропатки и, следовательно, сигнальные моменты, корректирующие их развитие, иные, чем в субарктических популяциях.

Территории, занимаемые отдельными парами в начале мая, имели в поперечнике около 500 м. Каждая из них представляла собой участок холмистой тундры с большим количеством выдувов и обязательной грядой байджарахов, служащих и местами ночёвки, и «наблюдательными пунктами» самцов. Для того же используются и песцовые пасти. В понижениях и логах ручьёв – «рассохах», занесенных глубокими снегами, куропатки не держались.

Врагов у новосибирской белой куропатки зимой мало. Песцы *Alopex lagopus* их почти не ловят; остатки куропатки в помёте песка мы нашли лишь однажды и не обнаружили ни в одном из 137 вскрытых желудков. Полярные совы *Nyctea scandiaca* на зиму обычно улетают. Куропатки очень осторожны, постоянно осматривают окрестности, сидя на вершинах холмов, пастях и байджарахах, и обычно не подпускают человека ближе чем на 70-100 м; отстрел их зимой труден. Эта осторожность объясняется, вероятно, боязнью песцов и сов; вездеход птицы иногда подпускают метров на 30. Добываются охотниками в зимнее время случайно и вряд ли более нескольких десятков в год. Специально на куропаток не охотятся, а убить птицу из карабина (при охоте на оленей) не просто. Общая зимняя гибель от естественных врагов и человека, видимо, ничтожна.

Новосибирская белая куропатка была выделена П.В.Серебровским в самостоятельный подвид *Lagopus lagopus birulai* Serebrowski 1926 на основании более крупных размеров (длина крыла самцов 223-240, самок 206-215 мм). Впоследствии таксономическая самостоятельность этой формы была подвергнута сомнению, и большинство современных исследователей не признаёт её.

Несколько более крупные размеры сами по себе ещё не решают вопрос о самостоятельности популяции. Однако, во-первых, этот признак (соответствующий, кстати, правилу Бергманна) достаточно устойчив. Во-вторых, брачное и летнее перо у птиц обоих полов, хранящихся в коллекции ЗИН (9 экз.), темнее, чем у *Lagopus lagopus* из материковой Якутии, и не ржавого, а каштанового оттенка. Наконец, следует при-

нять во внимание и особенности экологии новосибирской популяции белой куропатки. Она весьма существенно отличается от якутских материковых популяций, известных по исследованиям А.А.Романова (1934) и др. Некоторые из экологических черт новосибирских белых куропаток, например, особый качественный характер зимнего питания, способность к накоплению жира, фенологическая приуроченность весенней линьки и брачного периода и т.д., могли появиться лишь в результате достаточно длительного существования в высокоарктических условиях. Дифференциация новосибирской популяции от материковых, на наш взгляд, вполне может быть оценена подвидовым уровнем, и наименование *Lagopus lagopus birulai* следовало бы вернуть в употребление.

Интересно, что в экологии высокоарктических популяций *L. lagopus* и *L. mutus* выработались некоторые параллельные черты (диффузное распределение, характер сезонных изменений питания, способность к накоплению жира). Эти параллелизмы, а также особенности распространения обоих видов в высокой Арктике могут быть объяснены историческими причинами.

Из современных геологических представлений следует, что в позднечетвертичное время на месте окраинных морей восточносибирского сектора Арктики существовала обширная озёрно-аллювиальная равнина, простиравшаяся к северу до 78-80° с.ш., лишённая горных поднятий (кроме останцовых массивов нынешних Новосибирских островов), свободная от покровных льдов и занятая (в самом конце плейстоцена, в каргинское время) южнотундровой и лесотундровой растительностью (Сиско 1962; Баранова, Бискэ 1964). Как на материке, так и на Новосибирских островах найдена богатая ископаемая фауна той эпохи, относимая к верхнепалеолитическому комплексу.

Естественно предположить, что в конце плейстоцена эту сушу заселяла и белая куропатка – обычный представитель того же комплекса (хотя с самих островов ископаемых находок её нет). Впоследствии, в результате трансгрессии моря, новосибирская популяция *L. lagopus* была изолирована от материковых (зимние кочёвки на материк, вероятно, сформировались ещё в период сухопутной связи). Острова разъединились с материком не раньше конца каргинского века, т.е. не более 10 тыс. лет назад (Сиско 1962).

Таким образом, возраст обособления новосибирской популяции белой куропатки можно оценить несколькими тысячами лет. Голоценовые изменения климата постепенно трансформировали среду обитания популяции. Ещё во время послеледникового климатического оптимума на острове Котельный существовали кустарниковые тундры (Городков 1956; Сиско 1962), а к концу голоцена там сформировались современные арктические тундры и арктические пустыни. Новосибирская попу-

ляция белой куропатки смогла выжить, вероятно, выработав описанные выше экологические особенности и претерпев изменения, оцениваемые уже таксономически.

Тундряная куропатка не смогла освоить верхнечетвертичную сушу арктического шельфа, по-видимому, из-за отсутствия подходящих горных биотопов. Зато она заселила острова приатлантической Арктики – Землю Франца-Иосифа, Шпицберген, Гренландию, Канадский архипелаг. Белая куропатка не проникла на арктические острова, кроме Новосибирских – ни на Северную Землю, ни на Шпицберген, ни на Землю Франца-Иосифа. Эти острова никогда не соединялись с равнинами, где в верхнечетвертичное время мог обитать этот вид. Поскольку ни на одном из высокоарктических островов близкие виды *L. lagopus* и *L. mutus* не обитали совместно, экологическая дифференциация между ними (существующая везде, где оба эти вида живут рядом) не выработалась. Наоборот, сходные условия высокой Арктики определили, вероятно, параллельные направления отбора, сформировавшие у обоих близких видов сходные экологические особенности.

Литература

- Баранова Ю.П., Бискэ С.Ф. 1964. *История рельефа Сибири и Дальнего Востока. Северо-Восток СССР*. М.: 1-289.
- Бируля А. 1907. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. **18**, 2: I-XXXVI, 1-157.
- Бруснев М. 1904. Отчёт начальника экспедиции на Ново-Сибирские острова для оказания помощи барону Толлю // *Изв. Акад. наук*. Сер. 5. **20**, 5: 161-194.
- Геденштром М.М. 1830. *Отрывки о Сибири*. СПб.
- Городков Б.М. 1956. Растительность и почвы о. Котельного (Новосибирский архипелаг) // *Растительность Крайнего Севера СССР и её освоение*. М.; Л.: **2**.
- Городков Б.Н., Короткевич Е.С. 1957. Питание белой куропатки в зоне арктических пустынь // *Зоол. журн.* **36**, 9: 1382-1384.
- Романов А.А. 1934. О белой куропатке (*Lagopus albus*) Ленско-Хатангского района // *Тр. Аркт. ин-та* **11**: 45-54.
- Рутилевский Г.Л. 1958. Птицы острова Большого Ляховского // *Проблемы Арктики*. Л., 4: 79-90.
- Рутилевский Г.Л. 1963. Птицы о. Столбового // *Тр. Аркт. и Антаркт. науч.-исслед. ин-та* **224**: 93-117.
- Семёнов-Тян-Шанский О.И. 1960. Экология тетеревиных птиц // *Тр. Лапландского заповедника* **5**: 1-318.
- Сиско Р.К. 1962. Четвертичный период и палеогеография // *Тр. Аркт. и Антаркт. науч.-исслед. ин-та* **236**.
- Успенский С.М. 1963. Птицы и млекопитающие о. Беннета // *Тр. Аркт. и Антаркт. науч.-исслед. ин-та*. **224**: 180-205.
- Bunge A. 1887. Bericht über den ferneren Gang der Expedition. Reise nach den Neusibirischen Inseln. Aufenthalt auf der Grossen Ljachof-Insel // *Beitr. Kennt. Russ. Reiches. Folge 3*. **3**: 231-284.

- Gelting P. 1937. Studies on the food of the East-Greenland ptarmigan especially in the relation to vegetation and snow-cover // *Meddelelser om Grønland* **116**: 1-196.
- Johnsen S. 1941. Remarks on the Svalbard Ptarmigan (*Lagopus mutus hyperboreus* Sundev.) // *Berg. Mus. Årbok* **3**, 8: 1-30.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 805: 2542-2544

Регистрации обыкновенного скворца *Sturnus vulgaris* и ходулочника *Himantopus himantopus* на Камчатке

О.Ю.Рождественский, О.П.Курякова

Олег Юрьевич Рождественский. Ул. 70 лет Октября, д. 5, кв. 3,
село Мильково, Камчатский край, 684300, Россия
Ольга Пимоновна Курякова. E-mail: kuryakova-olga@mail.ru

Поступила в редакцию 20 октября 2012

В окрестностях села Мильково (Центральная Камчатка) мы регулярно проводим орнитологические наблюдения на мелиорированном поле, прилегающем к автодороге Мильково – Атласово. Здесь между 2-м и 3-м километрами трассы весной образуются две большие лужи, что делает это место привлекательным для мигрирующих птиц. В 2011 году мы зарегистрировали тут обыкновенного скворца *Sturnus vulgaris*. Одиночную особь впервые встретили 19 мая, наблюдали и фотографировали её более часа. Затем ещё дважды, 23 и 25 мая, видели здесь, вероятно, эту же птицу. Скворец активно кормился на краю одной из луж. В эти дни в районе наблюдений были отмечены также чирок-свистунок *Anas crecca*, фифи *Tringa glareola*, чернозобик *Calidris alpina*, большой веретенник *Limosa limosa*, полевой жаворонок *Alauda arvensis*.

На следующий год в этом же месте мы обнаружили уже трёх скворцов (рис. 1), за которыми наблюдали в течение 6 дней в период с 11 по 22 мая. Скворцы кормились на лугу, затем перелетали на ближние ивы и подолгу на них сидели, издавая негромкие мелодичные звуки. В эти дни мая на лужах в окрестностях Мильково, помимо скворцов, держались различные утки (*Anas clypeata*, *Anas penelope*, *Anas crecca*, *Aythya fuligula*), кулики (*Tringa glareola*, *Tringa nebularia*, *Tringa erythropus*, *Calidris subminuta*, *Numenius madagascariensis*, *Limosa limosa*), чайки (*Larus ridibundus*) и воробьиные (*Alauda arvensis*, *Motacilla tschutschensis*, *Corvus corone*).

Рис. 1. Обыкновенные скворцы *Sturnus vulgaris*. Окрестности села Мильково, Камчатский край, 11 мая 2012. Фото О.П.Куряковой.

Рис. 2. Ходулочник *Himantopus himantopus*. Окрестности села Мильково, Камчатский край, 16 мая 2012. Фото О.П.Куряковой.

Для Дальнего Востока России обыкновенный скворец является залётным видом (Нечаев, Гамова 2009; Дорогой 2011). Скворец отсутствует в списке птиц Камчатки (Артюхин и др. 2000). Таким образом, наши наблюдения стали первой регистрацией залётов этого вида на территорию Камчатского края. Исходя из географических соображений

и анализа наших фотографий, выполненного сотрудником КФ ТИГ ДВО РАН Ю.Б.Артюхиным, отмеченные особи принадлежат к сибирскому подвиду *Sturnus vulgaris poltaratskyi* Finsch 1878, занимающему восточную часть евразийского ареала скворца от Уральского хребта до долины реки Лена.

В описанном выше районе наблюдений в 2012 году мы наблюдали также ходулочника *Himantopus himantopus*, который держался тут с 16 по 19 мая. Птица кормилась на одной из луж (рис. 2).

На Камчатке ходулочник – редкий залётный вид, впервые зарегистрированный весной 1994 года в устье реки Большая Чажма на восточном побережье полуострова (Артюхин и др. 2000).

Литература

- Артюхин Ю.Б., Герасимов Ю.Н., Лобков Е.Г. 2000. Класс Aves – Птицы // *Каталог позвоночных Камчатки и сопредельных морских акваторий*. Петропавловск-Камчатский: 73-99.
- Дорогой И.В. 2011. Залёты белокрылой цапли *Ardeola bacchus* и обыкновенного скворца *Sturnus vulgaris* на юг Магаданской области // *Рус. орнитол. журн.* **20** (663): 1139-1142.
- Нечаев В.А., Гамова Т.В. 2009. *Птицы Дальнего Востока России (аннотированный каталог)*. Владивосток: 1-564.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 805: 2544-2548

Лесоводственные мероприятия и гнездование птиц в полевых защитных полосах

А.С.Мальчевский

Второе издание. Первая публикация в 1949*

В литературе уже неоднократно описывались примеры, наглядно показывающие пользу, которую могут приносить птицы в лесу, в степных лесничествах и в полевых защитных полосах (Берлепш 1900; Померанцев, Шевырёв 1910; Бодров 1937; Мальчевский 1947; Мельниченко 1938). Являясь естественными врагами насекомых, птицы в полевых защитных полосах оказывают там существенную помощь в деле борьбы с вредными насекомыми, сдерживая и контролируя численность как насекомых – вредителей лесных культур, так и насекомых – вредителей

* Мальчевский А.С. 1949. Лесоводственные мероприятия и гнездование птиц в полевых защитных полосах // *Природа* 6: 32-34.

полей. Возникает вопрос: как различные лесоводственные мероприятия, проводимые в полевых защитных полосах, сказываются на полезной орнитофауне, населяющей лесные полосы?

В настоящее время лесоводы ведут большие работы по выработке определённой, наиболее эффективной конструкции полевой защитной лесной полосы. Их стремление направлено на то, чтобы создать такую полосу, которая, с одной стороны, занимала бы возможно меньшее пространство пахотной земли, с другой, — проявляла бы в максимальной степени своё защитное ветроломное действие. Наиболее распространёнными являются узкие (12-15 м) полосы ажурно-продувной конструкции. Такие полосы не страдают от снеговала, ломающего ветви древесных и кустарниковых пород, и более равномерно распределяют снег на прилежащих полях (Карузин, Леман 1932; Горшенин 1938). Светлая, прореженная конструкция лесной полосы признана лучшей и энтомологами, так как она обеспечивает здоровое состояние и меньшую восприимчивость деревьев к заболеваниям (Старк 1931).

В отношении птичьего населения мы можем в общем присоединиться к мнению И.Б.Волчанецкого (1940), который считает, что полевые защитные лесные полосы могут быть неширокими и неплотными, и птичье население от этого существенно не пострадает. Однако к этому необходимо добавить, что наибольшие плотности гнездящихся птиц следует ожидать как раз в узких лесных полосах (Мальчевский 1947). Надо иметь в виду, что с определённым ярусом растительности связана гнездованием определённая группа птиц, и поэтому отсутствие в лесной полосе какого-либо яруса растительности должно резко отразиться на составе гнездящихся птиц. Если, например, в лесной полосе будет отсутствовать кустарник или низкая пнёвая поросль древесных пород, к чему иногда стремятся лесоводы в целях создания полосы продувной конструкции, то это вызовет отсутствие целой группы мелких полезных насекомоядных птиц. Поэтому для того, чтобы птичье население узкой продувной полосы существенно не пострадало, необходимо, чтобы она имела хотя бы низкий кустарник или, что ещё лучше, низкую пнёвую поросль древесных пород. Есть указания (Горшенин 1938), что и с агролесомелиоративной точки зрения узкая продувная полоса должна иметь низкий почвозащитный кустарник или пнёвую поросль. По нашему мнению, кустарниковый полог высотой даже ниже 1 м не будет отрицательно влиять на гнездование большинства птиц, гнездящихся в кустарниках. Гнёзда различных славков (серой *Sylvia communis*, ястребиной *S. nisoria* и др.) в большинстве случаев мы находили в лесных полосах Заволжья значительно ниже 1 м от поверхности земли.

В целях успешного произрастания деревьев и поддержания определённой конструкции лесных полос, лесоводы производят регуляр-

ную прочистку и прореживание древостоя и вырубку кустарников, которые дают густую низкую поросль, необходимую для затенения почвы. Густую и низкую поросль дают также и посаженные на пень древесные породы, особенно такие как берест, вяз, клён, дуб. Известно, что пнёвая поросль древесных пород бывает тем сильнее, чем засушливее условия произрастания их (Ткаченко 1939). Поэтому в полевых защитных полосах, где деревья растут в засушливых условиях, пнёвая поросль древесных пород развивается особенно успешно. По нашим наблюдениям, возникающая в результате осенне-зимней рубки ухода поросль древесных пород благотворно влияет на гнездование некоторых видов птиц, особенно славков. Так, например, в Заволжье, в Краснокутских лесных полосах в 1940 году гнездились большое количество ястребиных и серых славков именно благодаря наличию богатой пнёвой поросли американского клёна и вяза, получившейся в результате рубки ухода зимой 1939/40 года (Мальчевский 1947).

Естественно, что рубка ухода, производимая в весенне-летний период, как это иногда делается, может очень губительно сказаться на полезной орнитофауне. Именно поэтому в курсе лесоводства М.Е.Ткаченко (1939) отмечается необходимость переноса сроков рубки ухода на осень или зиму. Таким образом, правильный уход за насаждениями не только не будет губительно сказываться на птичьем населении, а наоборот, может значительно улучшить условия гнездования полезных насекомоядных птиц в полевых защитных лесных полосах.

Несомненно, что существенное значение для гнездования птиц имеет и ассортимент пород деревьев и кустарников, вводимых в полевые защитные полосы. В орнитологической литературе имеется ряд указаний на то, что некоторые виды птиц устраивают свои гнёзда обычно на определённых древесных породах, архитектура ветвей которых удобна для помещения их гнёзда (Доппельмайр 1939). По нашим наблюдениям, в Богдинских лесных полосах (левобережная часть Сталинградской области) сорока *Pica pica* использует для помещения своего гнёзда главным образом лох *Elaeagnus angustifolia*. Преобладающее число сорочьих гнёзд было сконцентрировано в той части системы лесных полос, где главной посадочной породой был лох, который по своей архитектурной структуре, очевидно, весьма удобен для помещения сорочьего гнёзда. Из 43 найденных нами в 1940 году сорочьих гнёзд, включая сюда и прошлогодние, 31 гнездо помещалось на лохе. Надо сказать, что в данном случае большое количество лоха в лесных полосах привело к весьма нежелательным последствиям, так как сорока в Богдинских лесных полосах признана вредной, приносящей серьёзный вред бахчам (Мельниченко 1938; Мальчевский 1947).

На некоторых породах деревьев и кустарников птицы, наоборот, очень редко устраивают свои гнёзда. Такой породой, например, яв-

ляется жёлтая акация *Caragana arborescens*, если её не подрезать. Нормально произрастая, она сильно вытягивается вверх и не образует мутовок низко над землёй – необходимого условия для гнездования большинства кустарниковых птиц. В связи с этим, несмотря на то, что жёлтая акация в полевых полосах Заволжья является весьма часто встречающимся кустарником, мы не нашли ни одного птичьего гнезда, помещённого на ней. Наоборот, жимолость и особенно пнёвая поросль вяза и других древесных пород использовались птицами для помещения гнёзд весьма охотно.

Из сказанного ясно, что орнитофауна, населяющая лесные полосы, будет сильно зависеть от ассортимента посадочных пород. Чем разнообразнее древостой лесной полосы, тем богаче будет её орнитофауна. Чрезмерная однородность посадочного материала в лесной полосе повлечёт за собой не только опасность вспышки размножения насекомых-вредителей (Старк 1931; Римский-Корсаков 1938), но и обеднение полезного для насаждений птичьего населения.

Несомненно, что в целях улучшения санитарного состояния лесных полос и прилегающих к ним культурных полей, мы должны стремиться к максимальному увеличению количества гнездящихся полезных птиц в полевых лесных полосах. У нас имеется достаточное количество справочников и руководств по привлечению и охране птиц, а также примеров, показывающих, как проведённые мероприятия по привлечению птиц могут дать весьма хорошие результаты (Берлепш 1900; Васильчук 1915; Коротнев 1931; Кистяковский 1936; Наставление... 1948). Однако до сих пор привлечение и охрана птиц в полевых полосах недооцениваются. По нашему мнению, привлечение птиц должно быть обязательным мероприятием наряду с другими, проводимыми в полевых полосах.

Литература

- Берлепш Г. фон. 1900. *Всеобщая защита птиц, её основы и выполнение*. СПб.: 1-92.
- Бодров В.А. (1937) 1974. *Полезная лесоразведение (Теоретические основы)*. Киев: 1-200.
- Васильчук А.Н. 1915. Опыт привлечения птиц в искусственные гнездовья (По наблюдениям 1909-1911 гг. в Мариупольском опытном лесоводстве) // *Тр. по лесному опытному делу в России* 55: 1-117.
- Волчанецкий И.Б. 1940. Основные черты формирования фауны агролесомелиоративных лесонасаждений степной полосы Украины // *Праці наук.-досл. Зоол.-біол. ін-ту Харьк. ун-ту* 8/9: 5-46.
- Воронцов Е.М. 1940. Материалы по орнитофауне Владимировского лесничества Николаевской обл. УССР // *Праці наук.-досл. Зоол.-біол. ін-ту Харьк. ун-ту* 8/9: 69-90.
- Горшенин Н.М. 1938. Полезные лесные полосы // *Итоги науч.-исслед. работ в области агролесомелиорации за вторую пятилетку*. М., 1, 2.

- Доппельмайр Г.Г. 1939. Значение архитектоники деревьев и кустарников для гнездования птиц // *Природа* **28**, 12: 44-51.
- Карузин Б.В., Леман Э. 1932. *Лесные защитные полосы в борьбе за урожай*. М.
- Кистяковский А.Б. 1936. Выяснение экономического значения птиц полезных лесных полос и закладка опыта по привлечению полезных видов // *Итоги науч.-исслед. работ ВИЗР за 1935 г.* Л.
- Коротнев Н.И. 1930. *Полезные в сельском хозяйстве птицы и их защита*. М.; Л.: 1-135.
- Мальчевский А.С. 1947а. Причина концентрации позвоночных животных в полезных полосах // *Вестн. Ленингр. ун-та* 10:13-22.
- Мальчевский А.С. 1947б. Роль птиц в полезных полосах Заволжья // *Вестн. Ленингр. ун-та* 4: 28-39.
- Мельниченко А.Н. 1938. Птицы лесных полезных полос степного Заволжья и Приволжья и их хозяйственное значение // *Учён. зап. Куйбышев. пед. и учительск. ин-та* 1: 3-38.
- Наставление по использованию насекомоядных птиц в борьбе с вредными насекомыми*. 1948. М.
- Померанцев Д.В., Шевырёв И.Я. 1910. Значение насекомоядных птиц в лесу и степи. (Исследования по вопросу о питании птиц) // *Тр. по лесному опытному делу в России* **24**: 1-99.
- Римский-Корсаков М.М. (ред.) 1938. *Лесная энтомология*. Л.
- Старк Н.К. 1931. *Враги леса*. М.
- Ткаченко М.Е. 1939. *Общее лесоводство*. М.: 1-746.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 805: 2548-2551

Очаг массовой линьки большой поганки *Podiceps cristatus* на Шульбинском водохранилище в бассейне Верхнего Иртыша

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 26 сентября 2012

В пойме Иртыша между Семипалатинском и Усть-Каменогорском во второй половине XX века большая поганка *Podiceps cristatus* не гнездилась и лишь изредка встречалась в период миграций, главным образом, осенью (Березовиков и др. 2000). После создания в 1980-1990-х годах Шульбинского водохранилища характер пребывания этого вида изменился, и в настоящее время чомга гнездится в верхней части

водохранилища, где в авандельте Иртыша появились благоприятные условия для её обитания – тростниково-рогозовые заросли и большие плёсы с полями погружённой и надводной растительности (рис. 1).

Во время обследования места впадения Иртыша в водохранилище в 1 км ниже села Азово (50°14'53''с.ш., 81°44'46''в.д.) 8 августа 2012 на площади 1 км² учтено 73 больших поганки, в том числе 7 выводков с 10 почти доросшими, но ещё не летающими молодыми. В пяти выводках было по 1, в двух – по 2 и 3 птенца. Молодняк во всех случаях сопровождали родители, при этом в 6 выводках было по одной и лишь в одном – две взрослые птицы. Кроме того, всюду по плёсам среди множества лысух *Fulica atra* особняком держались ещё 23 взрослые чомги из числа линяющих.

Рис. 1. Место гнездования большой поганки *Podiceps cristatus* в авандельте Иртыша. Шульбинское водохранилище. 8 августа 2012. Фото автора.

При дальнейшем обследовании левобережной (юго-западной) части Шульбинского водохранилища от места впадения Иртыша и до устья Кызылсу выяснилось, что большая поганка во множестве держалась по всей его акватории и наряду с чайками *Larus cachinnans*, *L. canus*, *L. ridibundus* и речными крачками *Sterna hirundo* была доминирующей птицей водоёма. Только на одном участке (50°14'01''с.ш., 81°39'54''в.д.) в трансекте от одного берега до другого в зрительную трубу на площади 2 км² учтено 96 поганок. Тщательный осмотр водоёма в других точках побережья показал, что по нему всюду держалось по 30-50, в среднем 40 особей на 1 км². Чомги встречались в основном поодиночке, равномерно занимая всю акваторию с наибольшей плотностью в его центральной части.

Общая численность большой поганки на водохранилище площадью 255 км² по нашим расчётам составляла 10200 особей. Таких концентраций *P. cristatus* на водоёмах в бассейне Верхнего Иртыша, включая озеро Зайсан и Бухтарминское водохранилище, ранее не отмечалось. Ближайшее место, где они в большом количестве собираются на летнюю линьку, известно на солёном озере Алаколь между Тарбагатаем и Джунгарским Алатау (Березовиков 2012).

Рис. 2. Шульбинское водохранилище – место массовой линьки большой поганки *Podiceps cristatus*. Вечер 8 августа 2012. Фото автора.

Практически все наблюдавшиеся поганки были взрослыми, поэтому столь значительная их концентрация может быть объяснена формированием очага послебрачной линьки, на который они, по всей видимости, прикочевали с водоёмов соседней Западно-Сибирской равнины. Известно, что с конца июля и в течение августа у *P. cristatus* происходит линька маховых перьев, во время которой они на время утрачивают способность летать (Курочкин 1982). Поэтому для них в это время наиболее привлекательными являются большие водоёмы с хорошей кормовой базой. Шульбинское водохранилище в этом отношении оказалось вполне подходящим местом по целому ряду причин. Это достаточно крупный пресный водоём длиной 53 км, шириной 3-6 км и площадью 255 км², расположенный среди степной холмисто-увалистой местности. Узкая береговая полоса илистая или каменистая, лишённая тростниковых и рогозовых зарослей и ограниченная высокими обрывами верхней террасы (рис. 2), на которой устроены редкие крестьян-

ские хозяйства, где производится выпас лошадей, коров и овец. Отлогие берега водоёма используются лишь в качестве места для водопоя скота. Благодаря введению временного запрета на рыболовство с целью восстановления рыбных запасов, движение моторных лодок по нему ограничено, поэтому фактор беспокойства для водоплавающих птиц был достаточно низок, в чём мы убедились во время пребывания на нём. Лишь в некоторых заливах изредка встречались местные жители, выставяющие сети. Рекреационные нагрузки также минимальны из-за множества мошкеры в этих местах, по этой причине отдыхающие практически отсутствовали.

Несомненно, это водохранилище стало привлекательным для больших поганок благодаря обилию мелкой сорной рыбы, особенно уклейки *Alburnus alburnus*, в огромном количестве размножившейся за последние три года, что подтвердила О.И.Кириченко – ихтиолог Алтайского отделения Казахского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (Усть-Каменогорск). Насколько многочисленна здесь эта рыба, мы убедились в первый же день на закате солнца с 19 ч 30 мин до 20 ч, когда мальки этой рыбы стали необычайно активны в верхних, сильно прогретых слоях воды. Они стали «плаваться», выскакивая на поверхность воды за мошкой, тучами вьющейся над водой. При этом водная гладь буквально рябила от «плавающей» рыбы, а когда закатное солнце осветило водохранилище, то все эти всплески вспыхивали тысячами ярких серебристых звёздочек и искорок, создавая полную иллюзию красивого водного фейерверка. В глубоких сумерках в последних отсветах заката вода продолжала «рябить» от всплесков рыбы, напоминая «пузырение» дождевых капель при сильном ливне!

В вечернее время, пока было светло, в таких местах многие поганки, часто ныряя, активно занимались ловлей рыбы, однако примерно треть наблюдавшихся птиц уже была сыта и отдыхала на воде.

Литература

- Березовиков Н.Н. 2012. Отряд Поганкообразные – Podicipediformes // *Фауна Казахстана. Птицы – Aves*. Алматы, 2 (1):52-81.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 1. Podicipitiformes, Pelecaniformes, Ciconiiformes, Anseriformes, Gruiformes, Charadriiformes, Galliformes, Pteroclitiformes // *Рус. орнитол. журн.* 9 (92): 3-22.
- Курочкин Е.Н. 1982. Отряд Поганкообразные // *Птицы СССР. История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. М.: 289-351.

Ранневесенние наблюдения над саксаульной сойкой *Podoces panderi* в Южном Прибалхашье в 2012 году

А.Ж.Жатканбаев

Алтай Жумаканович Жатканбаев. РГП «Институт зоологии» КН МОН РК,
пр. Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, Казахстан; E-mail: kz.wildlife@gmail.com

Поступила в редакцию 13 марта 2012

За 11-летний период (с 2002 года) ежегодных многократных обследований полупустынных районов Южного Прибалхашья на предмет изучения биологии и экологии илийской саксаульной сойки *Podoces panderi ilensis* Menzbier et Schnitnikov 1915, в 2012 году мне удалось посетить два постоянных участка её обитания именно в начальный период календарной весны – 9-10 марта. В такое время здесь никому ещё не приходилось обследовать места обитания саксаульной сойки.

Первый участок является наиболее типичным. Он обследовался в течение последних 9 лет, и во всех сезонах как минимум одна пара саксаульных соек обитала на нём постоянно. Второй постоянный участок обитания саксаульной сойки впервые был выявлен в 2010 году. Расстояние между этими участками (по наиболее близко расположенным гнёздам) – 13.2 км.

7-9 марта 2012 в Южном Прибалхашье произошло довольно резкое потепление. Дневные температуры воздуха поднимались до +5-7°C, шло интенсивное таяние снега и льда на появившихся в эти дни лужах. Однако ночные заморозки (до минус 2-4°C) вновь затягивали ледяной коркой образовавшиеся лужи. Поверхность же ещё не сошедшего снегового покрова к утру покрывалась настом.

На участках обитания саксаульной сойки снег покрывал 30-70% поверхности почвы. На теневых склонах барханов снежный покров занимал 80-85% поверхности. В ночь с 9 на 10 марта резко похолодало, пошёл мелкий дождь, перешедший в мелкий мокрый снег, а потом и в небольшую снежную крупу. Приземная температура воздуха ночью опустилась до минус 6.5-7°C. Даже в середине дня 10 марта, несмотря на ясную погоду, воздух не прогревался выше +1°C. В ночь с 10 на 11 марта опять было до минус 7°C, а целый день 11 марта было облачно (лишь с редкими прояснениями в первой половине дня) и холодно – температура воздуха поднималась до минус 1-2°C. Таким образом, дружная погодно-климатическая весна в обследованном районе 7-11 марта 2012 ещё не началась. Учитывая продолжительные периоды суровой и многоснежной погоды в начале текущего года, такой неактив-

ный переход конца зимы в начало весны был вполне естественным. В другие годы весна здесь начиналась уже в феврале (например, в 2002), а иногда затяжная зима держалась вплоть по третью декаду марта включительно, как это было в 2003 году.

9 марта мне удалось доехать первого участка обитания саксаульных соек. Погода в первой половине дня стояла довольно ясная с положительными температурами воздуха (3-5°C). Во второй половине дня небо постепенно затянуло развевными кучевыми облаками, похолодало, к 17 ч температура воздуха опустилась до минус 1.5-2.0°C. Уже при подъезде к участку была встречена одна саксаульная сойка, державшаяся на равнине близ шлейфов небольшой системы невысоких барханчиков, расположенных к северу от основного участка обитания соек (рис. 1). Эти барханчики поросли низкими саксаулами (преимущественно белым). В предыдущие годы здесь не находили ни старых, ни жилых гнёзд саксаульной сойки, не встречены и сами птицы. Однако учитывая встречу особи 9 марта 2012, следует определить эту систему барханчиков и окружающую их равнину либо как входящую в основной участок обитания, либо, что более логично, как дополнительные территории, используемые птицами в экстремальные сезоны.

Рис. 1. Место встречи саксаульной сойки 9 марта 2012 года. Южное Прибалхашье, 42 км к востоку-северо-востоку от посёлка Карой. Фото автора.

Встреченная сойка, видимо кормившаяся здесь, при приближении машины слетела с земли полетела в сторону невысоких барханчиков, а достигнув их, опустилась на первый из них. Полёт был типичным – слабо волнообразным с моментами планирования в конце каждой из

его фаз и невысоко над землей. Сойка летела не более 15-20 с, пролетев 100-130 м. Сев на ветку в верхней части кроны саксаула, птица несколько раз издала характерный крик, обычно связанный с беспокойством. Спрыгнув на землю и сделав небольшую пробежку, она снова полетела на низкой высоте в направлении основного участка обитания и скрылась из виду. Других соек рядом с ней замечено не было. Точка встречи находилась в 1890 м к северо-западу от гнезда саксаульных соек в 2011 году. Очевидно, что несколько раз перелетать, а не бежать сойку вынудило наличие рыхлого, мокрого и ещё глубокого снега. Замечу, что в тёплое время года саксаульные сойки даже при испуге убегают (своеобразной иноходью), а не улетать.

Рис. 2. Около места гнездования саксаульной сойки в 2011 году на первом участке.
9 марта 2012. Фото автора.

Непосредственно по участку обитания птиц с 16 ч 27 мин до 17 ч 36 мин был проделан 2-километровый пеший маршрут, но ни следов на снегу, ни самих птиц не было обнаружено. Отсутствие следов можно объяснить двояко. Или саксаульные сойки действительно избегали бегать по снегу, либо, что более вероятно, следы были плохо заметны на покрывавшем снеговой покров насте.

Второй участок постоянного обитания саксаульной сойки обследовался 10 марта 2012. В течение всего дня стояла тихая ясная погода, температура воздуха поднималась до +1°C. За 7.5-километровый круговой маршрутный учёт с 13 ч 27 мин до 15 ч 20 мин многократно обнаружены короткие цепочки и отдельные свежие следы саксаульной

сойки на мокром снегу (рис. 3). Уже в конце пути на бархане, где было жилое гнездо в 2010 году и два других гнезда (одно очень старое, второе тоже старое, но недостроенное), я услышал голос тревожащейся птицы. Вскоре на 70-80 м ко мне подлетел взрослый самец, время от времени издавая тревожные трели. Других особей рядом не замечено.

Рис. 3. Следы саксаульной сойки на мокром снегу. 10 марта 2012. Фото автора.

Рис. 4. Самец саксаульной сойки. 10 марта 2012. Фото автора.

При подходе к самцу с целью фотографирования, он стал убегать (как по проталинам, так и пересекая пятна снега) на западном склоне бархана. Временами перелетал на короткие расстояния, потом снова перебежал, не забывая кормиться на свободных от снега местах (рис. 4). Один раз он что-то расклёвывал на земле между основаниями засохших стволиков чахлого саксаула. Может быть, это был один из тайников с ранее запасённым кормом, делать которые в сухом песке в тёплые сезоны – одна из характерных особенностей этого вида. Иногда самец взлетал на ветки живых и отмёрших саксаулов, явно оглядывая местность, но при этом не всегда издавая крик (рис. 5). Добравшись до соседнего бархана и посидев на вершине саксаула на гребне песчаной дюны, время от времени крича, он спрыгнув на землю, убежал к северу, скрывшись из виду среди довольно густой растительности. Примечательно, что и эта особь для преодоления больших заснеженных площадок предпочитала перелетать, а не перебегать.

После возвращения к исходной точке маршрута через 20-22 мин после первого наблюдения я снова услышал голос саксаульной сойки

примерно в том же месте, что и первый раз. Не исключено, что это был тот же самый самец, патрулирующий свой постоянный участок обитания. Тем более, что на участке находился наблюдатель, могущий вызывать определённое беспокойство у птиц.

Рис. 5. Самец саксаульной сойки оглядывает окрестности с ветки саксаула. 10 марта 2012. Фото автора.

Рис. 6. Семена на плодоносящем дереве белого саксаула *Haloxylon persicum* почти полностью съедены. 10 марта 2012. Фото автора.

При обследовании плодоносящих деревьев саксаулов как на втором, так и на первом кластерном участке не замечено следов саксаульной сойки, свидетельствовавших о кормежке ею семенами саксаула (рис. 6). Однако по многочисленным следам было отмечено частое питание соек семенами саксаулов на этих участках 8-9 января 2011 года, когда при

обильном плодоношении у хорошо развитых деревьев семена в массе сохранялись до середины зимы. Осенью 2011 года урожай семян саксаулов не был таким обильным, как в 2010 году. В отношении же селина нужно отметить, что все встреченные 9-10 марта 2012 кустики этого злака оказались без плодов, которые, очевидно, уже были съедены, в том числе и саксаульными сойками (рис. 7).

Рис. 7. Кустик селина *Stipagrostis* со съеденными семенами. 10 марта 2012. Фото автора.

Подытоживая результаты этого кратковременного полевого исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, саксаульные сойки и ранней весной держатся на своих постоянных участках обитания. Во-вторых, в этот период перехода зимы в весну (медленный в 2012 году) не отмечено признаков начала репродуктивного периода (обе встреченные птицы держались поодиночке, не найдено новых строящихся гнёзд). В-третьих, в рационе саксаульной сойки в этот период, вероятно, уже перестают доминировать семена саксаулов и селина. В-четвёртых, несмотря на низкие температуры воздуха зимой 2011/12 года (ночью температура воздуха иногда падала до минус 43°C, по сообщению жителя посёлка Карой А.Карибаева), саксаульным сойкам удалось выжить в таких суровых условиях.

Автор выражает искреннюю благодарность Ж.Ж.Жатканбаеву, на автомобиле и за спонсорские средства которого было осуществлено настоящее полевое исследование. Также автор признателен семьям Алмаса и Ардака Карибаевых за содействие в проведении выездов в места обитания саксаульной сойки из посёлков Карой и Баканас.

